

4. Пеклер К. В. Гидравлические турбины для Богучанской ГЭС / К. В. Пеклер, М. Г. Шмоденко, В. И. Степанов // Гидротехника. — 2012. — № 1. — С. 38–41.
5. Улыбина Ю. Богучанская арифметика / Ю. Улыбина // Областная газета. — 2013. — 11 февр.
6. Цыкунов Г. А. Каскад ангарских ГЭС — национальное достояние / Г. А. Цыкунов // Братская ГЭС: история строительства, опыт эксплуатации, перспективы. — Братск : Изд. дом Братск, 2011. — 248 с.

Информация об авторе

Цыкунов Григорий Александрович — доктор исторических наук, профессор, кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: tsygunov-ga@isea.ru.

Author

Tsykunov Grigory Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of the Criminal Process and Prosecutorial Supervision, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, e-mail: tsygunov-ga@isea.ru.

УДК 94(571.53)

А. В. ШАЛАК

ББК 63.3(253.7)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК ИСТОЧНИК ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1941–1947)

На примере Восточной Сибири исследуются причины протестных настроений. К ним отнесены несовершенство карточной системы распределения, налоговая политика в отношении колхозного крестьянства, наличие на территории региона репатриированного населения. Отмечается бесперспективность попыток обосновать наличие оппозиционных протестных настроений на советском пространстве как системных, поскольку для них отсутствовала какая-либо конструктивная основа. Обращается внимание на то, что интерпретация фактов протестных настроений требует вдумчивого подхода исследователей, а также разграничения оппозиционных протестных настроений и протестных высказываний.

Ключевые слова: протестные настроения, протестные высказывания, социальные проблемы, политический режим.

A. V. SHALAK

SOCIAL QUESTIONS AS A GROUND FOR PROTEST MOODS IN EASTERN SIBERIA (1941–1947)

The origin of protest moods is studied on the base of Eastern Siberia territory. Among these moods are: imperfection of rationing system, tax

system in relation to the collective farmers, repatriates in the region. The attempt to prove the oppositional protest moods in the Soviet Union has no chance to success because of lack of meaningful principles. It is very important for scientists to interpret carefully the facts of protest moods and also to differentiate oppositional protest moods from protest speeches.

Keywords: protest moods, protest speeches, social questions, political regime.

Вопросы внутренней политики, ее влияние на деятельность людей, трансформацию общественного сознания нашли отражение в российской историографии [6]. В то же время тема протестных настроений в годы действия карточной системы распределения в настоящее время изучена недостаточно и в определенной мере носит отпечаток новизны. В значительной степени ее исследование привязано к истории повседневности, которая также на сегодня находится в процессе становления. Поэтому нужно не только открыть факты, имеющие отношение к протестным настроениям, но и произвести соответствующую интерпретацию данного материала. Есть две причины, серьезно затрудняющих изучение социальных конфликтов и вытекающих из них форм протеста населения в 1940-е гг. Во-первых, отсутствуют по известным причинам конкретные социологические замеры данной проблемы. Во-вторых, исследовать эти вопросы необходимо с учетом местных социальных и экономико-географических аспектов, которые малоизучены.

Отрицать проявления протестных настроений в СССР в 1940-е гг. невозможно. Косвенным свидетельством их является коллаборационизм. Если около одного миллиона советских граждан перешли на службу нацистской Германии, то очевидно, что часть граждан СССР не являлись убежденными сторонниками советского строя и патриотами страны. Более того, можно утверждать, что протестные настроения есть нормальное состояние любого общества. Есть множество аспектов на уровне личностно-психологического восприятия окружающей действительности, ее оценок, что объясняет наличие протестных настроений. Однако далеко не всегда данные протестные настроения есть индикатор недоверия к власти, политическому режиму, господствующей идеологии. Протестные настроения в этом смысле для данного отрезка отечественной истории — это ярко выраженные оппозиционные, антикоммунистические проявления на уровне группы, коллектива, либо имеющие специфический характер территориального представительства. Подобные проявления протестных настроений сегодня интенсивно изучаются на оккупированных территориях. Что же касается их изучения на советском пространстве, то эти исследования представлены единичными статьями [15].

Нужно отметить бесперспективность попыток обосновать наличие таких точечных оппозиционных протестных настроений на советском пространстве как системных, поскольку для них отсутствовала кака-

я-либо конструктивная основа. В условиях войны любая оппозиционная деятельность против власти могла оцениваться только как поддержка гитлеровского режима. Даже те, кто явно не симпатизировал советской власти, не могли не понимать, что борьба с ней в условиях войны, это деятельность, направленная на поражение своей страны. В массовом сознании оборона страны могла связываться только с защитой советского строя. Уже по этой причине оппозиционные настроения не могли в этот период приобрести сколько-нибудь серьезный характер. Поэтому, попытки интерпретировать различные высказывания как некие широкие массовые протестные настроения не выдерживают критики.

Это следует подчеркнуть, поскольку в ряде публикаций представлена странная логика: с одной стороны, подчеркивается, что негативные настроения по отношению к режиму захватили в большей степени старшее поколение, крестьян. Когда же подчеркивается специфика патриотических настроений, то опять же носителями теперь уже их выступают представители старшего поколения и крестьянство в особенности, а также молодежь и «просвещенными» горожанами [12]. Вот и пойми такое обоснование.

Поэтому следует разделять оппозиционные настроения в тылу, о которых на сегодня применительно к военному периоду практически ничего не известно, и «протестные высказывания», или некие действия, трактуемые как протестные настроения. С нашей точки зрения, между оппозиционными протестными настроениями и протестным высказыванием — дистанция огромного размера. В настоящее время изучение протестных настроений сводится по существу к поиску и интерпретации протестных высказываний или неких действий, которые можно интерпретировать как протестные.

Наиболее легкий путь поиска таких протестных выступлений — анализ дел фонда прокуратуры. В них приводятся «антисоветские высказывания», факта «саботажа и вредительства». Можно перечислять сотни дел, по которым карали за «антисоветскую деятельность». Вопрос в том, насколько правильно, то есть объективно, будет отнести данные высказывания к оппозиционному протесту. Являлись ли данные высказывания частным случаем, привязанным к конкретной ситуации, либо же представляли собой систему, которая опиралась на мировоззрение определенной части людей и которая действительно угрожала социально-политической стабильности? С нашей точки зрения, если под оппозиционными протестными выступлениями понимать все «антисоветские» дела, которые рассматривались прокуратурой, то получим картину весьма далекую от реальности [2].

Отдельные эмоциональные поступки личностного характера, вне конкретного контекста, так же далеки от протестных настроений, как «дела» в отношении «саботажников». Например, гражданин пускает на убой голо-

ву скота, чтобы его семья не умерла с голоду, да и другие причины на это могут быть. Но спустя какое-то время, кем-то это начинает интерпретироваться, как нежелание гражданина, сдать данную голову в фонд Красной армии. На него заводится дело, материалы которого сегодня интерпретируются как «протестное выступление» гражданина, конфликт с властью, стремление саботировать сбор средств в фонд обороны.

Если имевшая место эмоциональная перепалка при сборе вещей в фонд обороны находит отражение в документах архива, то это, соответственно, также трактуется как факт «протестных выступлений». Никто не будет вникать в предисторию этого спора, когда некие проходимцы под видом сбора вещей в фонд обороны уже обходили квартиры граждан, собирая деньги, в силу чего отдельные граждане так эмоционально реагируют на новые сборы уже законных представителей фонда обороны.

Также легко в подобных публикациях трактуется уже не выступления, а «действия антисоветского характера» — «саботаж и вредительство». Если судить по архивным делам, независимо от региона и времени, все эти «антисоветчики» орудовали одинаково: размораживали радиаторы, подсыпали песок в масло, чтобы разрушить подшипники в тракторах и комбайнах, уничтожали колхозную сбрюю. Виновных нашли и, судя по архивным документам, наказали. Но техника останавливалась не из-за сознательного вредительства, а по факту ее предельной изношенности, отсутствия запасных частей, в чем комбайнеры и трактористы никак не виноваты. Имеющиеся случаи халатного отношения к технике связаны с тем, что молодые кадры, заменявшие убывших на фронт, не имели опыта, не было и опытных наставников. В этом причины простоев и поломок. Если проявления таких фактов по заведенной практике прокуратура трактует как «саботаж», а современный исследователь возводит эти материалы в ранг уже «антисоветской деятельности», то мы имеем дело с созданием очередного мифа. Относить все эти дела к протестным настроениям, да еще усматривать в несуществующих действиях «саботажников» «мужественные поступки» есть легкомысленное упрощение, если не сознательная фальсификация фактов в угоду определенной идеологии или политической линии. На этих же фактах и в рамках этой же политической линии, опираясь на эти же дела, обосновывают уже факт репрессий против ни в чем не виновных граждан. И в том, и в другом случае факты одни, меняются лишь «герои», а цель, явная или неосознанная, при этом одна: дискредитация политического режима. В этом смысле история действительно становится политикой, обращенной в прошлое.

В этом ракурсе следует отметить и поиск неких косвенных доказательств то ли саботажа, то ли протестных настроений. Например, в отмеченной выше работе Н. Ломагина «Неизвестная блокада» таких косвенных доказательств множество. В частности, факт принятия на бюро

Ленинградского ГК ВКП(б) 5 сентября 1941 г. Постановления «Об усилении финансового контроля за расходованием государственных средств и материальных ценностей» трактуется не иначе как «косвенным подтверждением того, что часть руководителей предприятий разуверилась в возможности отстоять Ленинград и, пользуясь ситуацией, готовилась к эвакуации...» [8]. Если так интерпретировать решения органов власти в русле протестных настроений, то доказывать можно все, что угодно.

Люди гордились достижениями в области здравоохранения, социальной защиты, культуры, успехами индустриализации и теми позициями, которые Советский Союз занимал на международной арене, положительно оценивали роль государства в экономике страны, но при этом кому-либо гражданину мог быть глубоко несимпатичен конкретный представитель местной власти, причем заслужено. Если данный гражданин наделял такого представителя власти нелицеприятной характеристикой, то в документах дела это трактуется как «антисоветская пропаганда». На деле же относить подобные высказывания к оппозиционной деятельности нет никаких оснований.

Исключить спекуляции по данной проблеме можно только на основе вдумчивого изучения архивных источников и только в той степени, насколько историческая наука удалена от политизированных подходов. Но поскольку это представляется недостижимой целью, известный субъективизм в оценках по этим вопросам будет иметь место всегда.

Наиболее широкое распространение на сегодня получила попытка осмыслить проблему конфликтов в советском обществе через состояние общественного сознания в годы войны [1]. В ряде публикаций общественные настроения рассматриваются как форма социального протеста граждан, включающая уклонение от обязательных поставок, бегство из деревни, кражи сельскохозяйственной продукции, общественную апатию, рост анонимных посланий в органы власти. Однако предметное объяснение причин протестных настроений возможно только на основе глубокого исследования реальных условий жизни различных групп населения с учетом экономико-географических факторов. Это потребует серьезных усилий историков и немалого времени. По причине обозначенных трудностей исследование факторов социально-политической напряженности в советском обществе на сегодня носит фрагментарный характер, что не позволяет сделать обобщающие выверенные выводы по истории социальной конфликтологии советского периода.

В рамках данной статьи попытаемся определить применительно к Восточно-Сибирскому региону те причины, которые в наибольшей степени влияли на состояние общественного сознания и, как следствие, различные формы протестных настроений.

Большое влияние по своим последствиям имело введение карточной системы распределения товаров и продуктов. В рамках исследуе-

мой проблемы отметим основные аспекты, сопутствующие росту социально-политической напряженности. К ним следует отнести выделение руководящих кадров в качестве отдельной группы, имеющих отличные от других групп населения нормы снабжения. (Постановление СНК СССР от 12 июля 1943 г.). В данном случае последствие имели не нормы снабжения, а сам факт выделения группы руководящих работников и создание закрытой от других слоев населения системы их снабжения. Установление официального статуса руководящих кадров в системе распределительных отношений придавало особую значимость руководящим кадрам, что по своим последствиям выходила далеко за рамки 1940-х гг. Распределением карточек и выделенными для снабжения по ним товарами и продуктами занимались местные органы власти. Все это в условиях острейшего дефицита товаров и продуктов создавало благоприятные условия для теневого перераспределения имеющихся товаров в рамках распределительной системы. Неравенство в социальных статусах устанавливало психологический барьер в обществе, деление на «мы» и «они». Реальная действительность наглядно демонстрировала социальное неравенство между рядовыми тружениками и номенклатурными работниками, социальная защищенность которых даже на самых низших ступенях управленческой иерархии в годы войны была намного выше, чем колхозника или рабочего, и это осознавалось в обществе. Например, в феврале 1944 г. на конторе Тулунского лесокombината были вывешены объявления, написанные от руки на макулатурной бумаге: «Бей большевиков, спасай Россию», «Долой большевиков, они обжираются, а мы пропадаем с голоду», «Долой жида Дегтярева» (директор ЛДК) и др. [4]. Подобные факты неоднократно являлись предметом разбора на бюро областного комитета партии. Квалифицировались они как «распространение контрреволюционных листовок, направленных на подрыв доверия к органам Советской власти» [5].

При этом любые высказывания против номенклатурных работников, требования наведения порядка в распределительных отношениях моментально квалифицировались как «выступление против советской власти», «клевета на руководителей» и т.д. На таких граждан оформлялось «спецдело» (в отчетах прокуратуры имелся даже специальный пункт отчетности по «спецделам»), в соответствии с которым выносился приговор о лишении свободы, в среднем, на восемь-десять лет с поражением в правах от трех до пяти лет.

С другой стороны, карточная система создавала благоприятные возможности для различных злоупотреблений и воровства со стороны тех категорий населения, которые находились в непосредственной близости от распределительной системы. Можно выделить следующие основные формы теневого перераспределения товаров и продуктов. Это, прежде всего, кражи и хищения в системе торговли. Механизм хи-

щения хлеба по магазинам в условиях карточной системы был прост. Составлялся фиктивный акт на уничтожение талонов на хлеб и другие продукты, а затем вносились деньги (по государственной цене) и по количеству якобы уничтоженных талонов выбирались продукты, а затем перепродавались по спекулятивным ценам. Или же хлебные карточки не уничтожались, а акт составлялся, что они уничтожены. Затем эти карточки наклеивались, а хлеб и другие продукты просто забирали себе [14]. В результате строго нормированные продукты и товары не доходили до различных категорий населения.

Широкое распространение получили незаконная выдача карточек с повышенными нормами снабжения, хищения карточек из карточных бюро, предприятий, типографий, развито было и подпольное печатание карточек. Происходило это не в последнюю очередь потому, что карточные бюро являлись малочисленными и качественно справиться с таким объемом работы не могли. В среднем, по региону в них трудилось по шесть-семь человек. Такими же малочисленными являлись и контрольно-учетные бюро, созданные для контроля за правильностью распределения продовольственных и промышленных карточек. Поэтому спекуляция карточками на рынках имела массовый характер. Хлебная месячная карточка на рынке продавалась, в среднем, по тысяче рублей. В наиболее благоприятном положении оказывались слои населения, непосредственно задействованные на производстве или распределении товаров и продуктов (работники торговли, общественного питания, хлебозаводов, мясокомбинатов, отделов социального обеспечения и некоторые другие). С позиций сегодняшнего дня может показаться, что положение этих категорий населения незначительно отличалось от других. Однако в то голодное время возможность досыта питаться необходимо воспринимать как фактор, существенно повлиявший на социальное положение населения и, соответственно, как источник протестных высказываний.

Нельзя сказать, что органы власти не пытались бороться с теневым перераспределением товаров и продуктов. В условиях нищенского существования основной массы населения эти явления становились серьезной основой социального расслоения людей вне связи с трудом и с предпочтениями административной системы, что могло иметь серьезные последствия для социально-политической стабильности. Однако, в условиях карточной системы искоренить теневое перераспределение было невозможно. Сохранялись политико-экономические основы, порождающие подобные явления. Следует также отметить, что эти проблемы имели отношение только к тем слоям населения, на которых распространялась карточная система. Ситуация в этой сфере стала стабилизироваться лишь после отмены карточной системы.

Следующей по значению причиной, оказывавшей существенное влияние на состояние массового общественного сознания, являлась

налоговая политика в отношении крестьянства. В годы войны в деревне возрождается система продрозверстки, изымается практически весь необходимый продукт. Причем органы власти в этих вопросах занимали предельно жесткую позицию. С повестки бюро областных и районных партийных комитетов в 1940-х гг. не сходит вопрос «об антигосударственной, преступной практике срыва планов по сдаче хлеба государству». Объяснять причины невыполнения установленных планов не имело смысла. Органы власти однозначно квалифицировала невыполнение планов как «факты саботажа», «антигосударственная практика».

Налоговое бремя до предела обострили социальные проблемы на селе в годы войны. Вот лишь небольшая выдержка из докладной о положении дел в колхозе им. Ворошилова Эхирит-Булагатского района Иркутской области уже в конце 1942 г.: «...телеги, упряжки, сбруи, разбиты. Хлеба нет. Контора правления превратилась в плакальню. Понятно свойство женщин плакать, но когда плачут мужчины, старики, тягостно становится на душе, все просят: «Дай хлеба», дети голодные и т.п. ...председатель колхоза говорит: «Счастливые те, которые легли костями на войне, почему же мне смерти-то нет...» [6].

Конечно, имелись серьезные причины, объясняющие сложное социальное положение населения, прежде всего крестьянства, в годы войны. Но, то налоговое бремя, которое несло колхозное крестьянство в годы войны и в послевоенный период являлось источником социальной напряженности и, как следствие, протестных высказываний. Надежды колхозников на то, что с окончанием войны ослабнет гнет налогового бремени, не оправдались. В течение второй половины 1940-х гг. в отношениях государства и крестьянства сохранялись законы военного времени, более того, возрастала степень жесткости государственной политики, касающейся деревенского населения. Именно с этим связано распространение в отдельных районах среди значительной части колхозного населения слухов, что, как только кончится война, сразу же будут распущены и колхозы. В некоторых местах колхозники даже вечером поделили между собой скот [9]. Имелись и более сдержанные точки зрения на будущее колхозов, которые отражали веру колхозников в коллективную форму хозяйствования на земле. Например, в письме, направленном в ЦК ВКП(б) в 1946 г., председатель колхоза «Победитель» И.П. Иванов (Бурят-Монгольская АССР) осторожно предлагал: «Надо колхозы как-то перестраивать, а то обеднели совсем. Вот и дали бы колхозу самостоятельно вести свое хозяйство, не вмешивались в их внутреннюю жизнь, не давали бы никаких планов, а обязали бы государству сдать необходимое количество продукции, и мы сдали бы ее. А как сдали бы ее — это наше дело. Мы стали бы обрабатывать земли меньше, но лучше — и тогда сами бы были с хлебом и город бы завалил продуктами» [11].

В Красноярском крае члены колхозов «Красный орел» и им. Чапаева после окончания войны даже рискнули самостоятельно переизбрать своих председателей и поспешили сообщить об этом в Москву на имя Сталина, явно побаиваясь реакции местной власти [10].

Подобные факты свидетельствуют о наличии социальных причин протестных настроений колхозного крестьянства. Однако они не могут быть отнесены к социально-политическому протесту, поскольку во многом носили неосознанный характер, своей целью имели не разрушение государственной системы, а ее смягчение, приспособление к нуждам крестьянского хозяйства на взаимовыгодных условиях.

И наконец, к числу основных факторов, влиявших на состояние общественного сознания, следует отнести практически полное отсутствие социальной политики, подкрепленной соответствующими материальными ресурсами, по отношению к таким группам населения как выселенные народы, переселенцы, эвакуированным гражданам из прифронтовой полосы, а также так называемые рабочие батальоны, сформированные из жителей среднеазиатских республик. Лишенные собственного жилья, необходимых предметов для бытового обустройства они оказались в наиболее сложном положении на территории Восточной Сибири в годы войны. Кроме того, части из них требовалась не только климатическая, но и культурная адаптация. Документы весьма красноречиво характеризуют то бедственное положение, в котором они оказались в годы войны [14]. Смертность среди репатриантов была очень высокой. Попытки органов власти каким-то образом поправить их материальное положение вызывало протест местного населения. Особенно это имело место в отношениях к репатриантам, которых местное население называли «власовцами», «предателями», «изменниками», «фашистами» и т.п. Их ущемляли в наделении земельными участками, сенокосными угодьями, оплате трудовой. Государственные денежные ссуды, выделенные на строительство и ремонт домов для выселенцев, тратились на внутриколхозные нужды. Скот и поросят они могли также приобрести только по рыночным ценам, тогда как для своих колхозников они обходились в среднем в два раза дешевле [3]. Такое неприязненное отношение к репатриированным гражданам видно практически по всем документам, где речь идет о них. И это притом, что расселяли их в хозяйствах, испытывавших острую нужду в рабочей силе. Подобный взгляд на репатриированное население вполне объясним. После кровавой войны, гибели родных и близких нелегко было оставаться беспристрастным. Критерии суждений и оценок в то время являлись иными. Основной из них — не заодно ли ты был с врагом? Немаловажной причиной напряженности между выше обозначенными социальными группами выступала общая материальная необеспеченность. Поэтому любая попытка улучшить положение репатриантов за

счет и без того крайне ограниченных местных ресурсов, вызывала протест населения и являлась источником социальной напряженности на территории, куда прибывало репатриированное население.

При этом следует отметить, что данные «протестные» группы населения представляли меньшую часть населения Восточной Сибири. Их настроения, ожидания, отношение к происходящему фрагментарно в тот период принципиально не расходилось с официальной позицией. Следовательно, протестные настроения в отношении репатриантов нельзя рассматривать как некую форму оппозиционной деятельности в отношении органов государственной власти. Но на тех территориях, где присутствовали репатрианты, возникали очаги социальной напряженности.

Таким образом, острейший недостаток товаров и продуктов в совокупности с применяемыми методами их распределения, отсутствие социальной политики, подкрепленной материальными ресурсами по отношению к отдельным группам населения, налоговая политика в отношении крестьянства являлись важными факторами формирования общественного сознания и, как следствие, выражались в различных формах социального протеста населения. В серьезной степени социальный протест сдерживался национальным типом великоросса, известного своей неприхотливостью в быту, редкой выносливостью и удивительным долготерпением. Эти черты были, несомненно, усилены советской пропагандой, выросли поколения людей, руководствовавшиеся установкой: «...раньше думай о Родине, а потом о себе». Не подлежит сомнению и тот факт, что, не смотря на все перекосы в распределительных отношениях, социальные различия между группами населения не носили радикального характера. Теневые формы перераспределения тщательно маскировались, доходы, получаемые в условиях спекулятивного рынка, скрывались. Существующая политическая система не позволяла легализовать доходы и приобрести в соответствии с ними новый социальный статус. Именно поэтому даже в годы войны, когда социальные проблемы являлись наиболее острыми, советское общество сохраняло высокую степень стабильности, социальные различия не переросли в непримиримые антагонистические конфликты или в другие формы открытого протеста.

Список использованной литературы и источников

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. — 1999. — № 3; Денежная реформа 1947 г.: реакция населения по документам из «Особых папок» Сталина // Отечественная история. — 1997. — № 6; Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Н. Д. Козлов. — СПб., 1995; Его же. Феномен доноса: (Анализ документов 1944–1953 гг.) / Н. Д. Козлов // Свободная мысль. — 1998. — № 4. — С. 100–112; Зубкова Е. Ю. Мир мнений

советского человека. 1945–1948 гг. (По материалам ЦК ВКП(б)) / Е. Ю. Зубкова // Отечественная история. — 1998. — № 1.

2. В качестве примера можно привести публикацию И.А. Леонова, в которой на основе различных дел в отношении «антисоветских высказываний» предпринимается попытка обосновать наличие оппозиционных протестных настроений. См. : Леонов И. А. Протестные настроения жителей Читинской области в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / И. А. Леонов. — URL: <http://moscowia.su/istoricheskie-kartiny/4/detail/763>.

3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 2816. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 22–24, 27.

4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИО). — Ф. 127. — Оп. 14. — Д. 17. — Л. 24.

5. ГАНИО. — Оп. 51. — Д. 10. — Л. 115; Д. 13. — Л. 4-8; ГАИО– ф. 2790. — Оп. 4. — Ед. хр. 20. — Л. 51-52; Ед. хр. 46. — Л. 54-55; Ед. хр. 47. — Л. 51; Ф. Р-2816. — Оп. 1. — Ед. хр. 20. — Л. 140.

6. ГАНИО. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 407. — Л. 63-64.

7. Козлов Н. Д. Десталинизация общественного мнения в годы войны: домыслы и действительность / Н. Д. Козлов // В поисках исторической истины. — Л., 1990; он же. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. — СПб., 1995; Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 / Е. А. Осокина. — М., 1993; она же : За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 / Е. А. Осокина. — М. : РОССПЭН, 1998; Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербурга. ун-та экономики и финансов, 1995; Журавлев С. В., Соколов Л. К. Повседневная жизнь советских людей в 1930-е годы / С. В. Журавлев, Л. К. Соколов // Социальная история. Ежегодник. 1997. — М., 1998. — С. 287–334; Зубкова Е. Ю. Сталин и общественное мнение в СССР: 1945–1953 гг. / Е. Ю. Зубкова // Сталин и «холодная война». — М., 1998. — С. 274–290; она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. / Е. Ю. Зубкова. — М. : РОССПЭН, 2000; она же: Советская жизнь. 1945-1954 / Е. Ю. Зубкова. — М. : РОССПЭН, 2003; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 гг. / Н. Б. Лебина. — СПб., 1999; Соколов А. К. Советское общество накануне войны / А. К. Соколов // Власть и общество России XX в.: сб. научных трудов / под ред. В. П. Попова и др. — М.-Тамбов, 1999. — С. 136–154; Павлова И. В. Власть и общество в 30-е гг. / И. В. Павлова // Вопросы истории. — 2001. — № 10. — С. 49–56; Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова. — М. : Изд-во «Европа», 2005; Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е гг. / Г. В. Андреевский. — М. : Молодая гвардия, 2008.

8. Ломагин Н. «Неизвестная блокада» / Н. Ломагин. — СПб. : Изд. дом. «Нева»; М. : Олма-пресс, 2002.

9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 122. — Л. 119; ГАНИО. — Ф. 447. — Оп. 5. — Д. 1. — Л. 179.

10. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 122. — Д. 136. — Л. 74.

11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 9476. — Оп. 2. — Д. 58. — Л. 10–13.

12. Российский социум в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.5rik.ru/best/best-57261.html>.

13. См. : напр., Государственный архив Красноярского края (ГАКК). — Ф. р-2137. — Оп. 1. — Д. 91. — Л. 31; Д. 71. — Л. 31; Центр хранения и использования документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). — Ф. 26. — Оп. 4. — Д. 36. — Л. 278; Д. 48. — Л. 159–160; Д. 52. — Л. 64; Ф. 5482. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 32; Центральный государственный архив Хакасии (ЦГАХ). — Ф. р-42. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 22-24.

14. См. : например, ГАНИИО. — Ф. 159. — Оп. 6. — Д. 395. — Л. 27–29; Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 731. — Л. 20; РГАСПИ. — Ф. 26. — Оп. 3. — Д. 323-д. — Л. 177, 178; Оп. 4. — Д. 31. — Л.10; НАРБ. — Ф. 1-п. — Оп. 1. — Д. 3934. — Л. 25; Д. 4314. — Л.34; ГАЧО. — Ф. 3-п. — Оп. 1. — Д. 1998. — Л. 85.

15. Точенов С. В. Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области осенью 1941 г. / С. В. Точенов // Отечественная история. — 2004. — № 3. — С. 42–47; Ломагин Н. А. Неизвестная блокада / Н. А. Ломагин. — Спб., 2002. — Кн. 1. — 448 с.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

Author

Shalak Alexander Vasilievich — Doctor of Historical Science, Professor, Head of the Chair of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

УДК 339.5(470+510)(091)

ББК 65.428(2Рос+5Кит)г

В. П. ШАХЕРОВ

РУССКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье анализируются процессы развития русско-китайской торговли. На новых архивных материалах рассматриваются организация и специфика кяхтинской торговли, ее роль в развитии экономики, транспортной инфраструктуры, капиталов региона. Показана взаимосвязь с активным промысловым освоением севера Тихого океана. Особое внимание уделено влиянию экономических процессов на социокультурное развитие городов края.

Ключевые слова: Кяхта, русско-китайская торговля, купечество, таможенные сборы, чай, грузоперевозка.